

СТАНИСЛАВ БАХИТОВ

Труд, капитал, постиндустриальный мир

Постиндустриальные концепции общественного
развития и капиталистическое отчуждение труда

Представления о прошлом всегда были связаны с представлениями о будущем. Первыми занимается история, вторыми — философия. Историограф же (если понимать под историографией изучение развития исторической мысли) должен заниматься и теми и другими. Античные философы, во всяком случае со времен Сократа, особенно не сомневались в том, что философия — это наука о счастливой жизни. Но времена менялись. В эпоху Просвещения она превратилась в рациональное обоснование (или критику) социального порядка с позиции прогресса. Попытка объединить человеческое и социально-эволюционное была предпринята в классической немецкой философии, что привело ее к постановке проблемы отчуждения. Эта проблема, выявленная уже Г. В. Ф. Гегелем, приобрела особое значение у К. Маркса.

В условиях капитализма деятельностное саморазвитие, по мнению К. Маркса, превращается в свою противоположность — в самоотчуждение: «Деятельность выступает здесь как страдание, сила — как бессилие, зачатие — как оскотление, собствен-

ная физическая и духовная энергия рабочего, его личная жизнь (ибо что такое жизнь, если она не есть деятельность?)». В качестве важнейшего элемента отчуждения Маркс выдвинул разделение труда в условиях промышленной революции: «По мере развития этого разделения труда, с одной стороны, и накопления капиталов, с другой, рабочий все в большей и большей степени попадает в полную зависимость от работы, и притом от определенной, весьма однообразной, машинообразной работы. Наряду с духовным и физическим принижением его до роли машины, с превращением человека в абстрактную деятельность и в желудок, он попадает все в большую и большую зависимость от всех колебаний рыночной цены, от применения капиталов и прихоти богачей»¹.

Экономическо-философские (или Парижские) рукописи Маркса писались в 1844 году, когда промышленная революция в континентальной Европе еще только начиналась, неся обнищание большей части рабочего класса и разорение массы ремесленников. Но с середины XIX века ситуация изменилась — сначала в Англии, а затем

БАХИТОВ Станислав Борисович — доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин СурГПУ (г. Сургут, Тюменская область), кандидат исторических наук.

Ключевые слова: отчуждение, престижные потребности, консьюмеризм, постиндустриальное общество.

и в других наиболее промышленно развитых странах Запада. По наблюдению Ю. И. Семенова, уже во второй половине XIX столетия небольшая часть рабочих становится обеспеченными людьми. Она получила название «рабочей аристократии». Во второй половине XX века понятие «рабочей аристократии» исчезло, ибо обеспеченного положения добилось большинство рабочего класса. Рабочий класс стран ядра капиталистической мир-системы в большинстве своем перестал быть пролетариатом в буквальном смысле этого слова, что привело к потере им революционности².

Но исчезло ли отчуждение? Положение рабочих сблизилось с положением служащих и интеллигенции, но все они вместе оказались под контролем капиталистической и государственной бюрократии, что, думается, позволяет говорить о новом классе пролетариата, выделяемом именно по признаку отчуждения труда. В стимулировании к труду и контроле за поведением во вне рабочее время этого нового класса все большую роль начали играть СМИ — особенно реклама, создающие новые искусственные потребности престижного типа³.

Одним из первых новую ситуацию отчуждения попытался осмыслить германо-американский философ фрейдо-марксист Герберт Маркузе, оказавший значительное влияние на бунтующую молодежь Запада в конце 1960-х годов. Как известно, антибуржуазный молодежный протест 1960-х годов можно понять, только учитывая важные изменения в странах Запада после 1945 года. Среди них — образовательная революция, предоставившая высшее образование значительной части молодежи, но одновременно породившая проблему перепроизводства интеллектуалов. Следует учесть также, что новое поколение, не прошедшее войны, не виде-

ло ничего выдающегося в комфортных условиях жизни.

В этих условиях «новые левые» выступили не только против буржуазии, но и против «старых левых». Западное общество воспринималось ими как тотально коррумпированное, подчиненное логике потребления и производства, лишаящего человека возможности самореализации⁴. Кумиром этой молодежи и стал Маркузе, писавший, что современная элита правит путем манипулирования сознанием и бессознательным, стимулирования избыточного производства и потребления, навязывания ложных потребностей⁵. Идеи Герберта Маркузе нашли наибольший отклик у молодежи, еще не связанной социальными обязательствами — особенно у студентов, став идеологической основой их выступлений в 1968 году. Позднее сам Маркузе в книге «Контрреволюция и бунт» пересмотрел свои взгляды, придя к выводу, что молодежный протест в одиночестве бессилен, что он должен запустить большой мотор рабочей революции⁶.

После 1968 года, однако, на Западе произошло затухание революционного импульса. Герои прошлого либо умерли, либо перестали вызывать уважение. Причина этого, по мнению Б. Ю. Кагарлицкого, заключается в мир-системном характере современного капитализма, предоставляющего определенные преимущества пролетариату и интеллигенции «ядра». «Рабочая аристократия» Запада боялась потерять свое потребительское благополучие. И хотя далеко не все западные трудящиеся относились к этому слою, в целом господствовала идеология потребления. Часть бывших бунтарей превратилась в новых бюрократов. Что касается рядовой интеллигенции, то в ее поправении, видимо, сказалось осознание того факта, что возможности роста обще-

ства потребления ограничены ресурсной базой: если все будут потреблять на уровне граждан США, наступит экологическая катастрофа⁷.

После 1968 года наиболее серьезным исследованием проблемы капиталистического отчуждения в рамках психоанализа стала работа Эриха Фромма «Иметь или Быть» (1976). Основой соединения марксизма и психоанализа для Фромма выступал социальный характер, являющийся результатом взаимодействия между индивидуальной психикой и социально-экономической формацией. Современный ему социальный характер западного человека Э. Фромм назвал «рыночной личностью», подчеркивая, что человек этого типа самого себя воспринимает как товар, видит свою ценность не в своей «потребительской», а в «меновый» стоимости⁸. Самооценка индивида прямо зависит от его меновой ценности, что ориентирует его в первую очередь на выгодное позиционирование своей персоны.

Члены общества превратились в безликие инструменты, их главная ценность теперь — причастность к огромному концерну или другой бюрократической машине. Рыночная личность не умеет любить или ненавидеть, так как эти чувства мешают ей функционировать в алгоритме «мегамашины». Она ничего не принимает близко к сердцу в силу поверхностности оценок себя и других. Единственный вопрос, который она себе задает: достаточно ли хорошо я работаю, чтобы делать карьеру? В вещах для нее важны мода, престиж и комфорт. При этом сменить можно все: одежду, мебель, друзей, жен, любовниц, партнеров по бизнесу. Разум заменяется манипулятивным интеллектом (инструментальным мышлением). На языке психиатров такой тип называют шизоидным. Таким образом, рыночная личность — это пре-

дельный результат отчуждения труда, говоря словами К. Маркса — отчужденная личность⁹.

В одном ряду с Г. Маркузе и Э. Фроммом стоял и молодой французский философ Ги Эрнест Дебор, опубликовавший в 1967 году (в возрасте 36 лет) свою знаменитую работу «Общество спектакля». Предметом исследования Ги Дебора является прежде всего современное ему общество престижного потребления. «Общество спектакля» имеет оригинальную структуру: работа разбита на 221 тезис, что напоминает «Тезисы о Фейербахе» К. Маркса. Уже в тезисе 6 Ги Дебор пишет о том, что современное общество спектакля является производным от развития способа производства: «Спектакль, взятый в своей тотальности, есть одновременно и результат, и проект существующего способа производства». В тезисе 14 он продолжает развивать эту мысль: «Общество, базирующееся на современной индустрии, не является зрелищным случаем или поверхностно — в самой своей основе оно является зрительским. В спектакле — этом образе господствующей экономики, цель есть ничто, развитие — все»¹⁰.

Фактически для Ги Дебора общество спектакля есть общество престижного потребления. Словно предвосхищая название работы Э. Фромма, он пишет (тезис 17): «Первая фаза господства экономики над общественной жизнью в отношении определения любого человеческого творения повлекла за собой очевидное вырождение *быть* в *иметь*. Настоящая фаза тотального захвата общественной жизни накопленными плодами экономики ведет к повсеместному сползанию *иметь* в *казаться*, из которого всякое действительное “иметь” должно получать свое высшее назначение и свой непосредственный престиж». В новых условиях уве-

личение времени досуга (к которому, например, призывал Г. Маркузе) уже не ведет к освобождению от отчуждения (тезис 27): «Невозможна свобода вне деятельности, но в рамках спекта всякая деятельность отрицается, равно как и реальная деятельность оказывается полностью захваченной ради повсеместного достижения подобного результата. Таким образом, современное “освобождение труда”, увеличение досуга никоим образом не является освобождением в труде, как и освобождением созданного этим трудом мира»¹¹.

Главной революционной силой современного мира Ги Дебор продолжает считать видоизменившийся пролетариат (тезис 114): «Этот пролетариат объективно усиливается как продолжающимся исчезновением крестьянства, так и распространением логики заводского труда, переносимой на значительную часть “сферы услуг” и интеллектуальных профессий. Субъективно этот пролетариат еще отдален от его практического классового сознания, и не только в среде служащих, но и в среде рабочих, еще только открывающих беспомощность и мистификации старой политики». Но объективно он, по Ги Дебору, по-прежнему остается самым революционным классом¹².

В 1970-е годы, однако, в западной социально-философской мысли все более усиливаются прогрессистско-технократические настроения, классическим выражением которых стала теория постиндустриального общества (называемого также обществом знания, информационным обществом, постдефицитной системой, а иногда прямо — посткапиталистическим обществом). Родоначальником постиндустриальных теорий считается американский философ Даниел Белл, с 1962 года работавший над докладом «Постиндустриальное

общество» (который так и не был опубликован), а в 1973 году выпустивший книгу «Грядущее постиндустриальное общество». В рамках своей концепции он выделяет пять основных компонентов перехода к постиндустриализму:

«1) В экономическом секторе: переход от производства товаров к расширению сферы услуг.

2) В структуре занятости: доминирование профессионального и технического класса.

3) Осевой принцип общества: центральное место теоретических знаний как источника нововведений и формулирования политики.

4) Будущая ориентация: особая роль технологии и технологических оценок.

5) Принятие решений: создание новой “интеллектуальной технологии”»¹³.

Особое значение Д. Белл придает усилению роли научного знания, откуда у него естественно вытекает, что главной проблемой становится организация науки, важнейшей социальной организацией — университет или научно-исследовательская лаборатория, а основным действующим лицом — профессионал, образование и опыт которого соответствуют требованиям времени¹⁴. Изменится механизм принятия общественно значимых решений: они будут приниматься правительством, но базироваться на финансируемых им исследованиях. При этом, как пишет Д. Белл, «основное внимание общества будет сосредоточено на заботливом отношении к таланту, расширении сети общеобразовательных и интеллектуальных учреждений». В социальной политике, по словам Белла, «основными проблемами станут внушение лидерам этоса ответственности, обеспечение больших удобств, красоты и лучшего качества жизни в устройстве наших

городов, более дифференцированной и интеллектуальной системы просвещения, совершенствования характера нашей культуры»¹⁵.

Новое общество, по мнению Д. Белла, будет уже не столько капиталистическим, сколько профессионально-меритократическим: «В новом обществе, которое формируется ныне, индивидуальная частная собственность теряет свое общественное предназначение (защита труда в том смысле, как это понимал Дж. Локк, контроля или управления производством, вознаграждения за риск) и сохраняется лишь как функция». Контроль над обществом из экономического превратится в преимущественно политический¹⁶. Профессионалы будут более ответственными и компетентными управленцами, чем старая элита, так как эти качества уже заложены в самой идее профессионализма, а система руководства обществом в постиндустриальном мире будет определяться не передачей власти по наследству, а политической системой»¹⁷.

В рамках нового класса профессионалов Д. Белл выделяет четыре сословия: научное, технологическое, административное и культурное, подчеркивая особую прогрессивность первого¹⁸. Этос науки описывается им в соответствии с идеальной моделью Р. Мертона, выделяющей такие качества, как универсализм, требующий, чтобы карьера была доступна каждому талантливому человеку; коммунализм, предполагающий, что знание является общественным продуктом, свободно передаваемым будущим поколениям; бескорыстие и скептицизм, подчеркивающий беспристрастную скрупулезность и самоотказ от веры¹⁹. При этом Белл отмечает неизбежность бюрократического и политического контроля над научными институтами и

возможность возникновения здесь определенных противоречий между учеными и управленцами²⁰. Современный опыт показывает, что в большинстве случаев противоречия решаются в пользу управленцев.

Постиндустриальное развитие, по мнению Д. Белла, сгладит социальные конфликты на производстве: «Корпорация, как и университет, правительственное ведомство или большая больница — со своими иерархией и статусной системой, — для многих сотрудников превратилась в дело их жизни. Поэтому она не может более оставаться организацией с узким предназначением — в случае производственной компании лишь инструментом выпуска товаров и услуг, — но должна стать приемлемым стилем жизни для своих членов». Проблемами всеобщего утверждения «рыночной личности», как и проблемами отчуждения, он не задается. Лишь к концу работы, критикуя современную культуру (и собратьев-гуманитариев) за культивирование гедонизма, показухи и иррационализма, Д. Белл пишет: «Постиндустриальное общество не в состоянии обеспечить трансцендентальную этику, кроме как тем немногим, кто посвятил себя служению науке»²¹.

Идеи Д. Белла получили дальнейшее развитие. В 1980 году вышла в свет книга американского социолога Элвина Тоффлера (который, правда, вместо термина «постиндустриальное» обычно использовал термин «сверхиндустриальное»). В «Третьей волне», в которой говорилось, что на смену индустриальному обществу, порожденному Второй волной модернизации, приходит новое общество — общество Третьей волны, в отличие от Д. Белла, Э. Тоффлер довольно много внимания уделяет проблеме преодоления отчуждения, которое он связывает не с капитализмом, а с самой

природой *индустреальности*. В новом обществе Третьей волны больше внимания уделяется охране окружающей среды и использованию возобновляемых источников энергии, происходит демассификация СМИ, способствующая демассификации личности и культуры, но главное — формируются новый способ производства и новые типы общественных отношений: уменьшается доля рабочих, занятых в материальном производстве, появляется возможность значительную часть работы перенести на дом в «электронный коттедж», что позволяет бывшим наемным работникам, купив электронные терминалы и оборудование, превратиться в «независимых предпринимателей»²². В дальнейшем распространятся небольшие фирмы, в которых отношения между работниками станут более личными, с развитием системы работы на дому в «электронном коттедже» укрепится семья, члены которой будут больше времени проводить друг с другом, дети будут частично втягиваться в работу родителей, широко распространится работа по гибкому графику, учитывающему особенности и интересы работника²³.

В результате, по мнению исследователя, возникнет потребность в работнике нового типа. На предприятиях изменится система управления: сотрудники часто станут иметь более одного начальника, что, по мнению Тоффлера, будет благоприятно для инициативных людей: «Такая система наказывает работников, проявляющих слепое послушание. Она вознаграждает тех, кто возражает в разумных пределах. Работники, ищущие смысл, ставящие под сомнение авторитеты, желающие поступать по своему разумению или требующие, чтобы их работа была социально значимой, могут считаться смутьянами на предприятиях Второй волны. Но предпри-

ятия Третьей волны не смогут работать без них»²⁴.

Изменится ценностная ориентация работников: «Иметь много денег все еще престижно. Но и другие характеристики берутся в расчет. Среди них такие, как уверенность в своих силах, способность адаптироваться и выжить в трудных условиях, умение делать вещи своими руками...». Правда для примера новой ценностной ориентации Э. Тоффлер приводит менеджеров (!): «...уже 17 процентов рабочей силы отражает новые ценности, возникающие в недрах Третьей волны. В основном молодые руководители среднего звена, они, как заявляет Янкелович, “жаждут большей ответственности и более живой работы с поручениями, достойными их таланта и квалификации”. Наряду с финансовым вознаграждением они ищут в работе смысл»²⁵. На наш взгляд, здесь нет ничего отличного от здорового молодого карьеризма менеджеров Второй волны, разве что число этих самых менеджеров должно было возрасти.

Новая организация труда, по мнению Тоффлера, потребует и новой системы образования: «Многие дети станут учиться не в классной аудитории. Несмотря на давление профсоюзов, сократится, а не увеличится число лет обязательного школьного образования. Исчезнет строгая возрастная изоляция, молодые и старые будут общаться друг с другом. Образование, более разнообразное и тесно связанное с работой, будет продолжаться в течение всей жизни»²⁶. Правда, происходящие ныне изменения в данной сфере далеко не всегда соответствуют нарисованной Тоффлером картине. И, возможно, к счастью: привязка будущей специальности детей к работе родителей скорее сузит их жизненные шансы, чем расширит, а компьютер не сможет заменить систематизации

знаний при формировании научного мышления, проводимой преподавателем.

С конца XX века постиндустриальные концепции стали распространяться и в России, что приводило порой к появлению причудливых гибридов постиндустриализма и марксизма. Так, например, А. М. Ковалев, говоря о возможности возникновения социально справедливого общества, писал: «Именно новый способ производства общественной жизни, основанный на микропроцессорах, робототехнике, компьютерных устройствах и биотехнологии, а также на гуманных общественных отношениях, обеспечивает соответствие социальных и природных компонентов в рамках всей общественной жизни, поставит человека в центр социального развития»²⁷. Особая роль в распространении постиндустриальной идеологии в России, думается, принадлежит вышедшему под редакцией В. Л. Иноземцева сборнику «Новая постиндустриальная волна на Западе»²⁸, где опубликованы статьи и значительные выдержки из книг западных (и не только) сторонников постиндустриального будущего. Небольшие размеры статьи не позволяют уделить должного внимания всем концепциям без исключения. Но не обязательно выпить море, чтобы почувствовать соль.

Для Питера Дракера, представленного в вышеупомянутом сборнике работой «Посткапиталистическое общество» (1993), в основу развития общества и улучшения жизни людей в постиндустриальную эпоху будет положена рационализация труда на основе знания, где особо отмечаются

такие вехи, как промышленная революция и распространение системы Ф. Тейлора (последнего Дракер ставит значительно выше Маркса)²⁹. Со второй половины XX века, по мнению исследователя, началась новая эпоха, которая потребовала повышения производительности труда интеллектуальных работников за счет применения знания к знанию, в результате чего это знание, согласно П. Дракеру, стало превращаться в важнейший ресурс, а общество — в посткапиталистическое³⁰.

До логического конца идею «общества знания» довел японский ученый Тайичи Сакайя («Стоимость, создаваемая знанием, или История будущего»

С конца XX века постиндустриальные концепции стали распространяться и в России, что приводило порой к появлению причудливых гибридов постиндустриализма и марксизма.

(1991)). Объясняя, почему цена фирменного галстука в пять раз превышает цену обычного, он замечает: «Она содержится уже в том обстоятельстве, что при покупке галстука данной фирмы покупатель абсолютно убежден, что имидж этой продукции признан высококлассным, а ее непревзойденный дизайн будет служить отражением коллективной мудрости тех, кто так или иначе связан с фирмой, изготовившей эту продукцию»³¹. Какая особая мудрость может быть в галстуке, кроме «мудрости» престижного потребления, — это, надо полагать, секрет японского автора.

Американский исследователь Роберт Райх («Труд наций. Готовясь к капитализму XXI века» (1992)) под-

черкивает выгодное положение современных работников, занимающихся анализом и символами, позволяющее преодолеть отчуждение труда: «Рост спроса влечет за собой рост доходов. Вне зависимости от того, в какой форме доход поступает — в виде лицензионных выплат, гонораров, заработной платы или участия в прибылях, — экономический результат в основном один и тот же. Помимо прочего, такая работа приносит не только деньги. Люди, ею занимающиеся, в качестве самой сокровенной тайны хранят секрет того, насколько им нравится их работа»³². Творческий труд всегда приносил удовлетворение, вопрос только, насколько условия благоприятствуют творчеству.

Английский социолог Энтони Гидденс («Последствия модернити» (1996)) видит в будущем переход к постдефицитной системе³³. Правда, в современных проблемах традиционных пролетариев он склонен винить скорее их самих, чем систему. Обращаясь в одной из своих работ к исследованию Пола Уиллиса, изучавшего поведение школьников — выходцев из рабочего класса в одном из беднейших районов Бирмингема, Э. Гидденс пишет: «“Парням” хочется финансовой независимости, которую может дать им работа; вместе с тем у них нет каких-то особых, четко выраженных ожиданий относительно любых других видов вознаграждения, которые та способна им предложить. Агрессивная, иронично-язвительная культура отношения к школьной среде во многом напоминает культуру, формирующуюся в производственных условиях, в цехах или мастерских, куда они, как правило, попадают. Поэтому “парни” достаточно быстро адаптируются на рабочих местах и с легкостью переносят необходимость выполнять скучную, монотонно повторяющуюся работу в условиях, оцениваемых

ими как неблагоприятные. Непреднамеренным и нелепым последствием “предвзятого отношения” “парней” к ограниченным жизненным возможностям, доступным им, становится сохранение и воспроизводство условий, способствующих ограничению этих возможностей»³⁴.

Получается, что «парни» сами загоняют себя в систему отчужденного труда: «Не представляя, что есть “обобщенный труд”, движимые стремлением заработать немедленно и уверенностью в том, что работа неприятна сама по себе, “парни” воплощают эти убеждения в собственном поведении». Это, по Э. Гидденсу, противоречит изначальным целям системы образования: «Надо полагать, что система образования, элементами которой являются “парни”, была создана во имя укрепления равенства возможностей»³⁵. Вспомнив о недавнем повышении платы за образование в Великобритании, мы можем в этом усомниться.

С момента выхода книги Д. Белла прошло уже 40 лет, но обещанный постиндустриальный «рай» так и не наступил. Почему? Молодой ученый из Комсомольска-на-Амуре Александр Бирюков критикует «постиндустриалистов» с миросистемно-марксистских позиций, обращая внимание на то, что классический индустриальный сектор в экономике постоянно растет за счет «развивающихся» стран, где к нему относятся 40 процентов экономики, а около 70 процентов инвестиций приходится на первичный и вторичный сектор³⁶. В вузах в бедных странах обучается 5—6 процентов молодежи, при этом значительная часть выпускников (например, в том же Китае) не может найти работу — многие специалисты эмигрируют в развитые страны. Число пролетариев за пределами ядра мир-системы постоянно растет³⁷.

Все это, по мнению А. Бирюкова, еще раз доказывает справедливость трудовой теории стоимости в мировом масштабе: «Ни знания, ни информация, взятые сами по себе, не могут быть абсолютным источником прибавочной стоимости — таковым может быть только труд»; «если “общество знания” и возможно в центре, то лишь потому, что оно невозможно в зоне периферии». Развитие новых технологий способствует созданию громадной финансово-спекулятивной системы, расширившей возможности экспансии ТНК³⁸.

Но и в ядре мир-системы развитие общества весьма отличается от «радужного» сценария, нарисованного Д. Беллом или Э. Тоффлером. Причем это было заметно уже в 1980-е годы, и не только для марксистов. Классический постмодернистский подход к современному капитализму и проблеме отчуждения, думается, можно найти в известной работе немецкого социолога Ульриха Бека «Общество риска», вышедшей в ФРГ в 1986 году. Что касается собственно классовой составляющей развития современного западного капитализма, то здесь у У. Бека можно найти и сходство, и различия с концепцией К. Маркса. Главное отличие — концепция индивидуализации классов, являющейся, однако, специфическим феноменом развитых капиталистических стран и результатом успехов классовой борьбы пролетариата³⁹.

Для немецкого социолога проблема отчуждения состоит не столько в отчуждении труда, сколько в отчуждении от труда. И здесь опять проявляется индивидуализация: массовая безработица обрушивается на людей как лихая судьба. Правда, У. Бек не отрицает, что определенные категории людей имеют больше шансов остаться без работы: «Риск остаться без работы повышается для людей с низ-

кой квалификацией или вообще не имеющих профессионального образования, для женщин, пожилых иностранных рабочих, а также для лиц, страдающих разного рода заболеваниями, и для молодежи. Ключевую роль при этом играет продолжительность занятости на предприятии»⁴⁰.

Безработица, по мнению У. Бека, становится новым сильнейшим фактором отчуждения: «Преходящая безработица, которая после многих попыток ее преодоления превращается в долговременную и непреходящую, — это крестный путь самопознания. В постоянном исключении возможного безработица как нечто внешнее шаг за шагом внедряется в человека, становится свойством его характера. Новая бедность — это прежде всего материальная проблема, но не только. Она в то же время и безропотно принимаемое саморазрушение личности, которое протекает в тщетных ритуальных попытках уклониться от неизбежного; если присмотреться, массовая судьба полнится такими саморазрушениями»⁴¹.

Но здесь речь идет по большей части о не очень квалифицированных работниках. А как дела с интеллектуальными работниками нового типа? Наиболее явно несостоятельность постиндустриальных прогнозов, на наш взгляд, проявилась в острейшем кризисе традиционной западной системы образования. Социальные причины этого кризиса У. Бек связывает прежде всего с ситуацией на рынке труда: «Образовательная система уступила свою реальную распределяющую функцию отделам кадров предприятий и их начальникам, а общественный контроль за распределением шансов в образовательной системе сведен к негативному отбору с целью незаконного лишения шансов»⁴².

Особенно сильный удар, по мнению исследователя, был нанесен по

основной школе, чей аттестат стал явно недостаточен для получения работы: «При такой маргинализирующей функции основная школа, как ранее школа специальная (особая), превращается в “кладовую” для безработной молодежи, в образовательно ориентированную “молодежную базу” где-то между улицей и тюрьмой. Функциональное ее содержание сдвигается в направлении трудотерапии. Соответственно ухудшается педагогическая ситуация. Легитимность учителей и учебных планов находится под угрозой». Но и роль вузов тоже изменилась, так как их диплом перестал быть гарантией престижной работы по специальности. «Диплом об образовании ничего более не сулит, но он по-прежнему и даже более, чем когда-либо, есть условие, могущее предотвратить грозящую безнадёжность», — пишет немецкий социолог⁴³.

Результатом становится формальное отношение студентов к обучению: «...осознавая обесценивание содержательных квалификаций, человек стремится лишь к формальному завершению образования как к страховке от грозящего падения в бездну безработицы». А на рынке труда, по словам У. Бека, происходит рефеодализация шансов и рисков, особую роль начинают играть такие признаки, как пол, возраст, здоровье, мировоззрение, манера держаться, связи и т. д.⁴⁴ Таким образом, не профессионалы подчинили себе мир капитала, а, наоборот, интеллектуальный работник стал пролетарием.

Особенно наглядно банкротство постиндустриальных теорий проявилось с распространением по всему миру политики неолиберализма, причины и последствия которой анализирует, в частности, родившийся в Великобритании американский географ-марксист Дэвид Харви («Крат-

кая история неолиберализма», 2005). По его мнению, сущность неолиберализма проявляется в вовлечении в рыночные отношения любых видов человеческой деятельности, в максимизации объема и частоты рыночных транзакций с помощью новых информационных технологий, в обеспечении на рынках развивающихся стран иностранным компаниям практически полной свободы ввоза и вывоза капитала и в сокращении социальных гарантий⁴⁵. Эта политика, впервые опробованная в Чили при Пиночете, затем широко распространилась по миру, способствуя восстановлению (а в некоторых странах — как в России и Китае — и созданию) власти сверхбогатой элиты⁴⁶.

Причины возникновения у правящей элиты интереса к такой политике именно в 1970—1980-е годы Д. Харви связывает с перенакоплением капитала, ростом влияния социалистических движений, расколом среди левых на «государственников» и «антигосударственников», необходимостью обеспечить финансистам политические гарантии при дальнейшем размещении вывезенных из стран Ближнего Востока в США нефтедолларов⁴⁷. Но удар был нанесен не только по периферии мир-экономики, а и по трудящимся «ядра», в том числе такого крупнейшего центра, как Нью-Йорк. В результате неолиберальных реформ, проводившихся в Нью-Йорке в 1970-е годы, отмечает Д. Харви, «большая часть городской социальной инфраструктуры была уничтожена, состояние физической инфраструктуры (например, метро) серьезно ухудшилось из-за недостатка инвестиций и средств на текущее обслуживание... Вместо системы социального обеспечения граждан развивалась система поддержки корпораций. Лучшие компании объединили усилия, чтобы сформировать имидж Нью-Йорка как

культурного и туристического центра (тогда и был придуман знаменитый лозунг “Я люблю Нью-Йорк”). Господствующая элита теперь открыто поддерживала привлечение в город представителей всевозможных культурных течений. Нарциссизм и самолюбование, исследование своего внутреннего мира, своей личности и сексуальности стало лейтмотивом буржуазной городской культуры... Та часть Нью-Йорка, которую населяли рабочие и этнические эмигранты, снова оказалась в тени. Тут разворачивалась страшная по масштабам эпидемия расизма и наркомании, достигшая пика в 1980-е годы, когда молодые жители этих кварталов все чаще умирали, попадали в тюрьму, оказывались бездомными. Началась эпидемия СПИДа, продолжавшаяся и в 1990-е годы. Перераспределение благ с помощью насилия и криминала стало одной из немногих возможностей для бедноты»⁴⁸. Как видим, ситуация весьма далека от той картины, которую рисовали Белл и Тоффлер.

Но главное — в ходе реализации неолиберальной политики меняются сами рынки труда: «Рынки труда становятся все более сегментированными, возникают различия по расовому, этническому, половому, религиозному принципу. Все это используется в ущерб наемным работникам... Атаки на трудовые ресурсы ведутся с двух сторон. Влияние профсоюзов и других трудовых организаций ограничено или нейтрализовано в рамках государства (если необходимо, то и с помощью насилия). Повышается мобильность рынка труда. Прекращение государственных социальных программ и обусловленные развитием технологий изменения в структуре занятости, оставляющие без работы значительные группы трудящихся, окончательно закрепляют доминирование капитала над трудовыми ре-

сурсами... Ограничения в отношении иммиграции приводят к избытку рабочей силы. Этот барьер можно преодолеть только с помощью нелегальной иммиграции (что приводит к появлению рабочих ресурсов, которые эксплуатировать оказывается еще проще) или путем краткосрочных контрактов, которые позволяют, например, мексиканским рабочим работать на сельскохозяйственных компаниях Калифорнии»⁴⁹.

Растущее отчуждение становится уделом и выигравших, и проигравших на рынке труда. Для последних неолиберализм не несет ничего, кроме бедности, голода, болезней и отчаяния. Те же, кто утвердился в рыночной системе, «вынуждены существовать в качестве неотъемлемой части рынка и процесса накопления, а не как свободные существа»⁵⁰. Выход из сложившейся ситуации, согласно Д. Харви, заключается в объединении всех народных движений, в установлении народного контроля над государственным аппаратом и развитии демократии⁵¹.

В чем же причина несостоятельности постиндустриальных концепций? Ответ очевиден: постиндустриальная экономика является лишь частью капиталистической мир-системы, а новый интеллектуальный работник, при всей гордости собственным профессионализмом, — пролетарием, частью системы капиталистического отчуждения труда. Сам Д. Белл хорошо знал о возможности подобного подхода к современной истории, рассматривая его на примере сочинений С. Малле, А. Горца и Г. Гинтиса, но считал, что для постиндустриального работника важнее поддержание своего профессионального статуса, на который «новые левые» наклеивают ярлык «элитизма»⁵².

Как бы то ни было, нам не следует повторять ошибки «новых левых».

Примечания

- ¹ **К. Маркс.** Экономическо-философские рукописи 1844 года. — **К. Маркс, Ф. Энгельс.** Сочинения. Изд. 2. Т. 42. С. 91.
- ² **См. Ю. И. Семенов.** Философия истории (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). М., 2003. С. 516.
- ³ *См. там же.*
- ⁴ **См. Б. Ю. Кагарлицкий.** Марксизм: не рекомендовано для обучения. М., 2005. С. 114—125.
- ⁵ **См. Г. Маркузе.** Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества. Пер. с англ., послесл., прим. А. А. Юдина; Сост., предисл. В. Ю. Кузнецова. М., 2003. С. 270—275.
- ⁶ *См.* об этом, например: **Б. Ю. Кагарлицкий.** Марксизм: не рекомендовано для обучения. С. 139—140.
- ⁷ *См. там же.* С. 199—214.
- ⁸ **См. Э. Фромм.** Человек для себя. Революция надежды. Иметь или Быть. М., 2007. С. 507, 521.
- ⁹ *См. там же.* С. 522—525.
- ¹⁰ **Г. Дебор.** Общество спектакля. Пер. с фр. С. Офертаса и М. Якубович. М., 1999. С. 13, 14.
- ¹¹ *Там же.* С. 15, 17.
- ¹² *Там же.* С. 45.
- ¹³ **Д. Белл.** Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 1999. С. 18.
- ¹⁴ *См. там же.* С. 159—171.
- ¹⁵ *Там же.* С. 463, 492.
- ¹⁶ *См. там же.* С. 498.
- ¹⁷ *Там же.* С. 499—500.
- ¹⁸ *См. там же.* С. 501—507.
- ¹⁹ *См. там же.* С. 510—511.
- ²⁰ *См. там же.* С. 513—515.
- ²¹ *Там же.* С. 390, 651.
- ²² **См. Э. Тоффлер.** Третья волна. Пер. с англ. М., 2004. С. 233—337.
- ²³ *См. там же.* С. 338—403.
- ²⁴ *Там же.* С. 610.
- ²⁵ *Там же.* С. 611, 608.
- ²⁶ *Там же.* С. 606.
- ²⁷ **А. М. Ковалев.** Социально-справедливое общество — утопия или возможность. М., 2005. С. 116.
- ²⁸ *См.* «Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология». Под ред. В. Л. Иноземцева. М., 1999.
- ²⁹ *См. там же.* С. 81—92.
- ³⁰ *См. там же.* С. 93—100.
- ³¹ *Там же.* С. 349—350.
- ³² *Там же.* С. 524.
- ³³ *См. там же.* С. 115.
- ³⁴ **Э. Гидденс.** Устроение общества: Очерк теории структуризации. М., 2003. С. 399.
- ³⁵ *Там же.* С. 409, 404.
- ³⁶ **См. А. Бирюков.** «Постиндустриальный мир» или «Постиндустриальный миф»? — «Свободная Мысль». 2010. № 1. С. 60.
- ³⁷ *См. там же.* С. 61, 63.
- ³⁸ *Там же.* С. 65, 66, 69.
- ³⁹ **См. У. Бек.** Общество риска. На пути к другому модерну. Пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой; Послел. А. Филиппова. М., 2000. С. 121—122.
- ⁴⁰ *Там же.* С. 132—133.
- ⁴¹ *Там же.* С. 137.
- ⁴² *Там же.* С. 226.
- ⁴³ **Д. Белл.** Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. С. 227, 229.
- ⁴⁴ **См. У. Бек.** Общество риска. На пути к другому модерну. С. 229.
- ⁴⁵ **См. Д. Харви.** Краткая история неоллиберализма. Актуальное прочтение. Пер. с англ. Н. С. Брагиной. М., 2007. С. 12—16.
- ⁴⁶ *См. там же.* С. 18—19, 27—31.
- ⁴⁷ *См. там же.* С. 23—27, 40—41, 60—62.
- ⁴⁸ *Там же.* С. 68—69.
- ⁴⁹ *Там же.* С. 223—225.
- ⁵⁰ *См. там же.* С. 246, 247.
- ⁵¹ *См. там же.* С. 262—271.
- ⁵² **См. Д. Белл.** Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. С. 201—207. ◆